

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.140.02

ПОСТКРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД УБИЙЦ КАК УЛИКА ПОВЕДЕНИЯ

Ардашев Р. Г., Кутаев Н. Н.

*Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск, Россия
E-mail: v52@istu.edu*

Статья посвящена проблеме улики поведения, когда в качестве косвенного доказательства выступает суицид убийц

Ключевые слова: улики поведения, косвенные доказательства, суицид убийц.

В последние 15 лет в России по теме, посвященной различным аспектам расследования преступлений против жизни, защищены 2 докторских (Протасевич А. А., Исаенко В. И.) и более 30 кандидатских диссертаций. Вместе с тем, в данных работах не нашло места изучение посткриминального суицида, как своеобразного «индикатора» убийств, совершенных ранее, что свидетельствует об актуальности темы нашего исследования, целью которого является анализ самоубийства, выступающего в качестве улики поведения.

Разные авторы неоднозначно относятся к определению и роли улики поведения в изобличении виновного лица. Например, Гродзинский М. М. называл таковыми «действия обвиняемого, направленные на сокрытие истины... с целью избежать ответственности за совершенное им преступление» [1, с. 111]. Строгович М. С. относил к ним «поведение обвиняемого после совершения преступления, обусловленное фактом совершения им преступления» [2, с. 373]. По мнению Винберга А. И., Миньковского Г. М. и Рахунова Р. Д., к уликам поведения относятся: заведомая ложность показаний, фальсификация доказательств; данные, свидетельствующие о знании обвиняемым определенных обстоятельств расследуемого события; данные о том, что обвиняемый при обыске отказался добровольно выдать отыскиваемую вещь, заявив заведомо ложно, что у него ее нет; данные о том, что обвиняемый преднамеренно уклоняется от явки к следователю или в суд [3, с. 58-59].

Мудьюгин Г. Н. выделял следующие виды таких улики: 1) поведение, направленное на уклонение от грозящего наказания; 2) проявление обвиняемым виновной осведомленности; 3) поведение, косвенно свидетельствующее о признании обвиняемым своей вины [4, с. 14-15]. Позднее этот автор расширил данный перечень [5, с. 134-136]. Ковалев А. И. дает слишком неопределенное понятие улики поведения, рассматривая их как «поступки (действия, бездействие), не входящие в объективную сторону состава преступления, совершенные до, во время и после преступления, обусловленные им, и потому способные выступать в качестве косвенных доказательств» [6, с. 72]. Лисиченко В. К. и Зеленковский А. С., считая улики поведения разновидностью негативных обстоятельств, определяют их, как «самые различные

проявления диссимуляции, которая может выражаться как в форме противоречивых, иногда с существенными пробелами объясненных обстоятельств события и действий его участников, так и иных не контролируемых волей проявлениях повышенной внутренней психической активности и эмоциональной напряженности, обусловленных предметом допроса или содержанием вопросов» [7, с. 7]. Известны и другие определения улики поведения [8, с. 9].

Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов показывает, что улики поведения с древности служили важным средством изобличения виновных в убийстве, по данной категории дел они встречаются гораздо чаще, чем в других преступлениях [9, с. 46]. Ковалев А. И. объясняет это тем, что убийцы чаще других преступников прибегают к уничтожению или фальсификации изобличающих их доказательств, симулируют психическое заболевание, стараются подкупить свидетелей и представителей потерпевших — с целью уйти от ответственности [10, с. 72-74].

Известно, что «человек, скрывающий свои намерения, вынужден внимательно следить не только за тем, что он хочет сказать, но и за тем, что он не хочет сказать своему собеседнику» [11, с. 51]. Несмотря на эту психологическую закономерность варианта человеческого поведения, криминалисты давно отметили особое напряженное состояние психики убийц, боящихся разоблачения, что вызывает «неодолимую потребность говорить о своем деянии» [12, с. 51], и этим объясняются проговорки преступников, обнаруживающие их виновную осведомленность, «то есть такие знания обстоятельств и хода расследуемого события, которыми допрашиваемый может располагать только при условии причастности к преступлению» [13, с. 209]. Лисиченко В. К. и Зеленковский А. С. указывают, что подобные улики поведения, обусловленные неоднозначными причинами, имеют психофизиологическую природу, и «сущность этих, не контролируемых волей внешних проявления, в судебной психологии не изучена» [14, с. 7].

В контексте изложенного, представляется важным показать проблему выявления «улик поведения» при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя.

Можно констатировать, что в российской юриспруденции названная тема остается неизученной. Так, в диссертации Ковалева А. И. указана эмпирическая база более 950 уголовных дел [15, с. 5], в диссертации Чегодаевой С. С. — 548 уголовных дел [16, с. 5], однако по результатам анализа этого впечатляющего информационного массива (если сведения объективны) нет никаких упоминаний о самоубийстве лиц, обусловленным совершением преступлений против жизни.

По количеству суицидальных актов Россия, где ежегодно сводят счеты с жизнью более 50 тысяч человек, занимает третье место в мире (после Шри-Ланки и Казахстана) [17, с. 128], но доверять такой статистике нельзя, поскольку система ее формирования далека от совершенства и не всегда точно отражает действительное положение дел [18, с. 45-47]. Что касается учета, отражающего посткриминальный суицид убийц в Российской Федерации, то такой статистики просто не существует [19, с. 38-39].

Анализ практической деятельности сотрудников следственного комитета РФ и полиции в разных регионах показывает, что подавляющее число суицидальных ак-

тов убийц совершается в условиях достаточной очевидности, на бытовой почве, в состоянии алкогольного опьянения, аффективно, и не может считаться уликами поведения. Такими ситуационными случаями выступает суицид лиц, совершивших на почве ссоры, ревности, мести убийство родных, знакомых или третьих лиц. Трупы самоубийц при этом, как правило, находятся вблизи своих жертв.

Гораздо сложнее устанавливать истину, когда на месте происшествия имеются только тела потерпевших – при отсутствии информации о подозреваемом и обстоятельствах случившегося [20, с. 122-124].

Так, в Ростовской области на поле обнаружили два трупа местных жителей с огнестрельными ранениями головы. Обстоятельства происшедшего были неясны, пока не поступила информация, что через несколько часов после выявления данного преступления в соседнем пос. Глубокий «безмотивно» застрелился из охотничьего ружья у себя дома пенсионер Х. Судебно-баллистическая экспертиза установила, что из этого оружия были убиты и потерпевшие в поле. При расследовании выяснили, что покойные длительное время отказывались вернуть Х. крупный денежный долг [21]. В данном случае сам факт суицида, безусловно, выступает уликой поведения.

К суициду убийцы могут прибегнуть и через долгое время после совершения преступления. Так, в частном доме г. Хабаровска были убиты из огнестрельного оружия 5 человек, трупы которых увезены за город и сожжены. В процессе оперативно-розыскных мероприятий была получена информация о четырех подозреваемых, которых задерживали поэтапно. В то же время в Хабаровске покончили с собой Т. и К. При расследовании выяснилось, что последние тоже входили в банду, совершившую названное преступление, а к суициду прибегли лишь после начала ареста их сообщников. Указанная улика поведения нашла отражение в приговоре суда над оставшимися в живых бандитами (листы 6-9, 75 приговора от 20 августа 1996 г.) [22].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что надлежащая проверка обстоятельств суицида может, в определенных случаях, помочь в раскрытии преступлений против жизни, что должны учитывать следователи и сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. К сожалению, практика показывает, что, поскольку суицид не является преступлением, то по большинству таких случаев следственные органы не возбуждают уголовные дела, ограничиваясь сбором минимального объема материалов, по которым выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Такое положение может серьезно затруднить: 1) установление взаимосвязи между суицидом и убийством, совершенным ранее; 2) установление факта убийства, замаскированного под суицид; 3) препятствовать выявлению случаев доведения до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего (ст. 110 УК РФ).

Список литературы

1. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский // Ученые труды ВИЮН. Вып. УП. – М., 1945. – С. 97-134.
2. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1955. – 464 с.
3. Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе / А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов. М., 1956. – 276 с.
4. Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего: Автореф. дис... кандидата юрид. наук: 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»/ Г. Н. Мудьюгин. – М., 1962. – 18 с.
5. Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками / Г. Н. Мудьюгин. – М., 1973. – 156с.
6. Ковалев А. И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А. И. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. – Свердловск, 1980. – С.68-78.
7. Лисиченко В. К., Зеленковский А. С. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения / В. К. Лисиченко, А. С. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза.– Киев, 1989. – Вып.39. – С. 6-12.
8. Чегодаева С. С. Криминалистическое исследование улик поведения: Автореф. дис... кандидата юрид. наук: 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» / С. С. Чегодаева. – М., 2000. – 22 с.
9. Ковалев А. И. Улики поведения (исторический обзор) / А. И. Ковалев // Развитие советского права: доклады конференции правоведов. – Свердловск, 1972. – С. 46-50.
10. Ковалев А. И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А. В. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. – Свердловск, 1980. – С.68-78.
11. Мелибруда Е. Я – Ты – Мы. Психологические возможности улучшения общения – Е. Мелибруда. – М., 1986. – 234с.
12. Гельвиг А. Современная криминалистика / А. Гельвиг. – М., 1925. – 100с.
13. Рагинов А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Рагинов. – М., 1967. – 290 с.
14. Лисиченко В. К., Зеленковский А. С. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения / В. К. Лисиченко, А. С. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза. – К., 1989. – Вып.39. – С.6-12.
15. Ковалев А. И. Улики поведения и их роль в расследовании преступлений: Автореф. дис... кандидата юрид. наук: 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» / А. И. Ковалев. – Свердловск, 1974. – 18 с.
16. Чегодаева С. С. Криминалистическое исследование улик поведения: Автореф. дис... кандидата юрид. наук: 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» / С. С. Чегодаева. – М., 2000. – 22с.
17. Право на смертную казнь / [Под ред. А. В. Малько]. – М., 2004. – 346с.
18. Калинин А. Обусловленность уголовной ответственности за доведение до самоубийства / А. Калинин // Законность. – 2007. – № 5. – С. 45-47.
19. Лазарев П. В. Суицидальные тенденции в криминальной среде // Правовые проблемы Восточно-Сибирского региона конца второго тысячелетия / П. В. Лазарев. – Иркутск, 1999. – С.38-39.
20. Федоров Ю. Д. Выдвижение и проверка версий в ходе осмотра места происшествия при раскрытии убийств / Ю. Д. Федоров // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Сб. 2. – Душанбе, 1962. – С.122-124.
21. Архив следственного управления СК РФ по Ростовской области, 2008. Уголовное дело № 286154.
22. Архив Хабаровского краевого суда, 1996. Уголовное дело № 2-114/96.

Ардашев Р. Г., Китаев М. М. Посткримінального суїцид вбивць як улика поведінки / Р. Г. Ардашев, М. М. Китаев // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія : Юридическі науки. – 2011. – Т. 24 (63). № 2. 2011. – С. 232-236.

Статья посвящена проблеме улик поведения, когда в качестве косвенного доказательства выступает суицид убийц

Ключевые слова: улики поведения, косвенные доказательства, суицид убийц.

Ardashev R., Kitaev M. Postcriminalny suicide of murderers as evidence of behavior / R. Ardashev, N. Kitaev // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2011. – Vol. 24 (63). № 2. 2011. – P. 232-236.

The article covers issues related to evidence of behavior when the suicide of a murderer is considered to circumstantial evidence.

Keywords: evidence of behavior, circumstantial evidence, suicide of murderers.

Поступила в редакцию 06.10.2011 г.